

День пролетел быстро. Домой летела на крыльях любви, желая встретиться с любимым. Но, придя, домой меня, ждало разочарование.

Около подъезда я встретила Витю с его матерью.

— «Здравствуйте, Нина Федоровна!», — радостно произнесла она.

— «Вот собрались с Витей в деревню к Тамаре Петровне. Практика трудовая в школе закончилась, что он будет в городе душном сидеть. Пусть с месяц у неё погостит, поможет ей по хозяйству. А то женщина целый год одна да одна, ни кого у неё нет. Да и с девчонками там познакомиться, а то он у меня такой не тихий, боится их наверно»

Услышав это, мои ножки подкосились, на глазках чуть не навернулись слезы. Дрожащим голоском произнесла:

— «Правильно, пусть немножко отдохнет мальчик перед учебой»

Витя смущенно улыбнулся, и произнес:

— «Конечно, отдохнуть надо перед школой, да и девчонки там более приветливые, может и правда, с кем-нибудь познакомлюсь. Вот привезу мамки невесту»

От этих слов чувство ревности чуть не разорвало моё сердце, кровь прилила к лицу.

— «Ты мне смотри там «жених», осторожней, а то какую-нибудь заразу подцепишь или ребёночка заведешь!», — резко оборвала она сына, и любя стукнула его по затылку.

— «Ну, до свидания, мы пошли»

Сердце моё рыдало.

Дни разлуки тянулись годами. Только в его отсутствии я поняла, что он для меня значит. При воспоминании, о времени проведенном с ним, я не могла себя сдержать, хотелось побежать, увидеть его, хотя бы просто увидеть, не говоря о большем. Сексуальная энергия переполняла настолько, что я сходила с ума. Лежа в кровати, ласкала тело, но чувство разрядки не приходило. Я стала причинять себе боль. Цеплять тугие прищепки на сосочки, малые половые губки. Издевалась над собой, как могла.

Но выхода сексуальной энергии не было. И тут я поняла, только унижение, экстремальные ситуации могли мне дать полный её выход. Моя психика трансформировалась, а может, я и была всегда такой, а Витя помог раскрыться, найти себя, почувствовать женщиной.

Обыкновенной текущей самкой.

Срок месячных уже прошел, но их не было. Я с тревогой ждала дальнейших событий. Правда и раньше случалось такое, но сейчас это сильно настораживало. Так как в первый раз не предприняла никаких предохранительных мер, да и время для зачатия было самое благоприятное. Все принимаемые мной народные меры не давали никакого результата — месячных не было.

Идя вечером в пятницу, домой, я уже точно знала, что в понедельник надо отпрашиваться с работы и идти к гинекологу. Чудес не бывает, я залетела. В моем возрасте женщины, конечно, рожают, но это не было в моих планах. Да и рожают они от мужей, а я с ним давно уже не жила половой жизнью.

Дома меня встретила расстроенная соседка:

— «Дорогая Нина Федоровна, вы не могли бы съездить в деревню, а то я уже Тамаре Петровне и продуктов накупила и сказала, что приеду, а у нас на заводе конец месяца и всех в

выходные заставляют работать. А вы же знаете, какая она скандальная, не за что мне не поверит. Потом целый год разговаривать не будет»

Долго меня упрашивать не пришлось. И вот я уже подхожу к старенькому, чуть покосившемуся домику бывшей сотруднице Витиной матери, которая давно была на пенсии и жила уединенно в деревне, недалеко от города. Зайдя в калитку, я крикнула:

— «Хозяева, кто дома?»

— «О, Ниночка, это ты! Ну, проходи, проходи. А где это Галина? Леня бабушку навестить уже. Ну, спасибо, что хоть ты меня старенькую не забываешь»

Быстро был накрыт стол, выпита бутылочка хорошего домашнего вина (в основном мной) и из рассказа хозяйки дома я узнала, что Витя нашел себе не совсем хорошего поведения девочку, которая старше его на целых семь лет, да и замужем успела побывать не один раз. После этого известия у меня внутри все оборвалось.

— «Ну, ладно, мне пора. Дела дома ждут, поеду я»

— «А как ты поедешь, автобус будет только утром»

— «Да на попутках как-нибудь»

— «Нет, нет, я тебя на ночь никуда не отпущу. На каких попутках. Знаешь у нас, сколько случаев разных бывает. Постелю на сеновале, поспишь там, нашим целебным воздухом подышишь, утром на речку сходишь, покупаешься»

— «На вон возьми рубашку ночную, а то платье свое помнёшь. Она тебе как раз будет, даже может больше немножко, главное не меньше. Если белье хочешь простирнуть, то тазик в сенях. Ну, а вода, ты сама знаешь где»

И вот раскинув руки в стороны, в одной ночной сорочке, выданной бабушкой из своих запасов, лежу на чердаке сарая среди пахучего сена и беззвучно рыдаю. Сквозь дырку в крыше на меня безучастно смотрят безмолвные звезды, не выражая не какого сочувствия бедной обманутой, брошенной женщине.

— «Тетя Нина, Вы где?», — вдруг раздается голос моего любимого, медленно поднимающегося по скрипучей лестнице на сеновал.

Я молчала, но мои тихие всхлипывания в тишине не составляли большого труда обнаружить меня. Подползая ко мне, он создавал шум, как будто медведь лезет через бурелом. И вот уже его руки шарят по мне:

— «О, так Вы уже без ничего! А я то смотрю, чьи это до боли знакомые трусики и лифчик осушаться во дворе. Не уж то баба думаю, на старости лет такую красоту купила»

Он близко придвигается ко мне, руки начинают бесцеремонно, бесстыдно лапать грудь, лезть между ног, пытаться задрать подол рубашки, как у какой-то падшей девки. Моему возмущению не было предела.

— «Прекрати сейчас же, ты что пьяный?»

— «А мы тут каждый день бухаем. Да, и девок, за сиски щупаем. Правда, Светка?»

— «Не говори глупости, что женщина обо мне подумает», — раздался девичий голос.

И тут я поняла, что мы не одни. Вслед за ним по лестнице лезла какая-то женщина, наверное, та, которая заняла моё место.

— «Света, это моя любимая соседка — Нина Федоровна, можно просто тетя Нина. Я тебе о ней много рассказывал. Познакомься», — чуть заплетающимся языком произнес Витя.

— «Света», — услышала голос почти рядом с собой.

— «Очень приятно», — пробурчала недовольно я.

— «Тетя Нина, давайте за знакомство выпьем, я так ждала этой встречи. У нас тут такое изумительное вино, просто сок виноградный. В городе Вы такого в жизни не попробуете», — сходу, не дав опомниться, и собравшись с мыслями предложила она.

То ли моё печальное настроение, то ли жажда после вечернего застолья заставили произнести с некоторой долей иронии:

— «Ну, давай, очень рада нашему знакомству. А бокалы где ваши?»

— «Да мы из пластмассовых бутылок пьем. Витя, дай свою бутылку и сходи к бабе в погреб, возьми ещё. Вы не брезгуете после него пить?»

— «Да вроде нет»

Вино и, правда, оказалось приятным, нежным, ароматным. Но очень обманчивым и уже через некоторое время, почти не видя друг друга, только контуры тела, в полной темноте мы пили с ней на брудершафт. Прижавшись при этом ко мне, она тихо, голосом полным страсти, шепнула на ушко:

— «Ой, какое у вас изумительное тело тетя Нина»

— «Светочка, называй меня только на «ты», мы с тобой теперь лучшие подружки», — заплетающимся языком произнесла я.

— «Я только «за». Ниночка, а можно задать тебе вопрос, немного не скромный, личного характера?»

— «Задавай, отвечу на любой»

— «А правда Витя говорит, что ты его любовница и он с тобой живет, ну... как муж с женой?» Будь я трезвой, то смогла что-нибудь умное ответить, а так после непродолжительной паузы произнесла:

— «Был грех, нечего таить. Но он подлец, что о таких вещах рассказывает посторонним»

— «Но я же уже не посторонняя, мы же с тобой подружки. Я одобряю твой выбор, ласковый он очень, искусный не по возрасту в любовных утехах»

Я промолчала и она продолжила:

— «Я его вообще не знаю, за кого считала, а он, как пристал ко мне. Я его гоню, а он лезет. Начал мне рассказывать, что у него любовница есть за сорок лет. Говорит, что она от него без ума, готова на всё. Делает ему всё для его удовлетворения. Не верила, но любопытство взяло свое. Допустила до тела, но чуть-чуть, а он как начал меня ласкать, так ласкать, что я кончила. Первый раз дошла до оргазма от мужских рук, но конечно не только рук, надеюсь, ты меня понимаешь. Ни когда бы не поверила, но кончила, да ещё как. Он так меня ласкал, целовал, но что тебе говорить, ты и сама всё знаешь. Думаю, что ты нечто подобное от него испытывала» Слушая её рассказ у меня, внутри было спокойное безразличие, будто бы говорили не обо мне, а о ком-то другом. Как он мог меня променять на кого-то другого, да в придачу делиться самыми интимными подробностями о нашем общении.

— «А ты красивая, он так тебя хвалил, ты даже представить себе не можешь. Я даже ревновала его к тебе, а сейчас вижу, что он прав», — произнесла она, нежно проводя рукой по шейке, опускаясь на грудь, трогая сосочек, который почему-то сразу напрягся, явственно проступив сквозь тонкую ткань рубашки.

— «Какая у тебя красивая и чувствительная грудь, она просто создана для любви», — произнесла она, наклоняя голову и нежными, пылающими губками касаясь, сосочка через ткань рубашки.

Я не оттолкнула её, не возмутилась наглыми действиями, а только тяжело глубоко вздохнула

от разливающейся, по всему телу приятной неги и медленно коснулась спиной сена, предоставляя тело в её полное распоряжение. Мне хотелось, что бы меня кто-нибудь поласкал, пожалел, поэтому я шла навстречу её желаниям. Закрыв от удовольствия глаза, в полной тишине я слышала только её страстное дыхание и булькающие звуки, выливающиеся из оставленной без присмотра бутылки вина.

Она была нежна, страстна. Её маленькие острые упругие грудки, с торчащими, как рожки сосочками, прижимались к моему телу, губки ласкали шейку, ушки. Язычок пробежался по устам, они раскрылись, как раскрываются створки влагалища, под ласками члена и впустили его внутрь. Наши уста сплелись в страстном поцелуе, язычок плясал внутри. Совершал возвратно-поступательные движения, имитируя половой акт. Её коленка, раздвинув ножки, прижималась к промежности, вызывая у меня неоднозначное чувство тяжести внизу животика.

— «Светочка, какая ты прелесть, я даже не думала, что так может быть приятно», — тихо шептала, глядя её коротенькие волосы.

Воодушевленная моими словами и ответными действиями, она начала задирать подол ночной рубашки, обнажая грудь и пытаясь её снять с меня.

— «Света, не надо. Ну, что ты делаешь», — чуть слышно шепчу, ни сколько не сопротивляясь, а, наоборот, помогая, поднимая руки вверх и позволяя её снять.

По шуршанию одежды я слышу, как она полностью сбрасывает её с себя тоже. И вот острые сосочки, язычок ласкаю животик, опускаясь всё ниже и ниже. Её грудь касается промежности, раздвигает губки, пытается проникнуть внутрь. Я поднимаю согнутые в коленках ножки, как можно выше, стараясь полностью раскрыться перед ней, предоставить лоно любви для изопрённых ласок.

И вот уже горячий, острый, как бритва язычок пробежав по ущелью, врывается внутрь, пытается, как можно глубже проникнуть в меня. Но ей видно не очень удобно и она разворачивается, садится на грудь, продолжает губами, язычком ласкать лоно любви.

Впервые так близко от меня женское чрево. Запах другой женщины любопытен, вызывает неподдельный интерес. Руки самопроизвольно начинают ласкать её ягодицы, ножки. Она приподнимает бедра, оставляя на моей груди мокрое пятно от своих выделений, предоставляет промежность для более интимных ласк. И то ли из любопытства, то ли в знак благодарности её действиям, я чуть приподнимаю голову и нежно касаюсь губками попки. Она это понимает по-своему, и вот уже её мокрое, возбужденное влагалище касается лица, губ. Оно не брито, в отличие от моего. Жесткие, грубые волосы, наверное, никогда не знавших бритвы, сохранили огромный букет запахов, от запаха мочи до аромата, недавно побывавшего здесь самца. Но это меня несколько не останавливает и я, нежно касаюсь, приоткрывшихся складок влагалища, того влагалища, которое вполне возможно совсем недавно принимало член моего любимого, жадно поглощало его семя.

Среди гаммы вкусов чувствуется вкус свежего мужского семени. Этот коктейль из выделений текущей молодой самки и самца ужасно возбуждающе действует на меня. Только одна мысль о том, что совсем недавно, вместо язычка и губок, здесь был член любимого, заставляет меня впитаться страстным поцелуем в сосуд любви, искать и поглощать остатки следов его пребывания. Она словно ожидала этого, судорожно начала двигать бедрами надавливая, ерзая по лицу, заставляя всё сильнее и страстнее ласкать влажный от спермы и её выделений цветок любви. Думала ли я когда-нибудь, что буду вылизывать женский орган после полового

акта, да ещё с таким удовольствием, не зная ни мужчину, который недавно был здесь, ни толком женщину, которая мне его предоставила.

Вдруг скрипнула лестница, кто-то тихо крался по ней.

— «Света, кто-то сюда идет», — испуганно прошептала, пытаюсь освободиться от её объятий, хотя состояние возбуждённого тела совершенно не хотело этого делать.

— «Это Витька, вино, несёт. Выспался уже, наверное, и вспомнил о нас. Ты что, его боишься. Пусть посмотрит, что мы без него не хуже справляемся, да в такой темнотище ему вообще что-то трудно будет увидеть, пусть фантазия у него поиграет»

Я ничего не ответила, только с удвоенным усилием начала ласкать свою любовницу. И правда пусть посмотрит, что она от меня без ума, пусть узнает, что я нужна и другим, что всегда могу найти ему замену.

Он сидит молча в углу и смотрит в темноте на нас. Но что можно увидеть, только услышать, как две женщины страстно сопя, причмокивая, вылизывают друг друга. Ситуация того, что Витя смотрит на меня в этот момент доставляла огромное возбуждающее сексуальное наслаждение. Я презирала себя за своё собственное желание, презирала Виктора, что он изменил мне и вот так просто отдал в руки другой женщины, с которой может быть, совсем недавно совокуплялся, за его пренебрежительное самообладание в отношении меня. Страстное желание быть любимой им, чтобы он приник к телу, как приникла Светлана, ворвался в моё чрево. Чтобы он, в крайнем случае, совершил надо мной насилие, сделал больно, воплотил свою самую изощренную мечту, но лишь бы не сидел в углу и спокойно не созерцал, как его любимая истекает соками и стонет под ласками любовницы. А может быть Светлана инструмент, при помощи которого, возлюбленный получает наслаждение, видя, как я извиваюсь под её ласками, с помощью которого я должна стать в соответствии с его желаниями, доступной, податливой, похотливой, готовой на всё, на любые желания и прихоти ради любимого. Я чувствовала себя ещё более голой, чем была на самом деле. Было обнажено не только тело, но и все мои чувства, чувства, вывернутые наизнанку, те которые женщина по своей природной скромности скрывает, к которым не допускает никого. Я была натянута, как струна, возбуждение уже начинало переполнять, оставалось какое-то мгновение, как она лопнет, но Светлана вдруг неожиданно задергалась, застонала, прижалась влагалищем к лицу, не давая вздохнуть, и испустила из чрева жидкость, которая залила всё лицо.

— «Ой, Ниночка, ой, как хорошо, какая ты умница», — ещё сильнее влагалищем прижимаясь к лицу, перекрывая доступ воздуха, издавая чавкающие звуки.

После этих слов, она перевернулась на спину, увлекая меня за собой. Теперь уже я стою над ней, а она, обхватив руками за таз, приподнявшись, ласкает истекающее соками лоно. Я на седьмом небе. Такого сексуального раскрепощения ещё никогда не испытывала. Мы, две самки ласкаем, друг друга, а молодой самец следит за нашими игрищами, испытывая, скорее всего невероятное сексуальное возбуждение. Но почему мой милый сидит в углу и молча, пренебрежительно наблюдает за мной. Самое страшное в этот миг было кончить, получить оргазм не с ним, а с другой доселе неизвестной мне женщиной, более того его любовницей. Показать свою сущность самки. И он подумает, что я похотливая сучка и мне всё равно под чьим телом извиваться и стонать, от кого принимать ласки.

— «Милый, иди сюда, я тебя хочу», — чуть слышно, переступая через свою гордость, произнесла, не в силах больше терпеть ласк и сдерживать оргазм, разрывающий плоть

изнутри.

Но он продолжал молча сидеть в углу, не выражая никаких чувств. А я, задыхаясь от ласк, изнемогая от чувств, переполнявших меня, произнесла:

— «Умоляю, милый, я умру без тебя»

Вдруг Витя, наверное, не выдержал моей мольбы, зашевелился, стал медленно подходить к нам. Его нежные руки коснулись ягодиц, прошлись по ложбинке, спустилась к раскрытому, возбужденному, доступному влагалищу, ласкаемого губками и язычком Светы. И сразу же два пальчика, не встретив не малейшего сопротивления, проскочили в пещерку, ведущую в глубь животика, начали совершать танец любви, лаская переднюю стенку влагалища.

Светины губки и язычок в это время были заняты клитором, зубки покусывали нежную, возбуждённую плоть, тот венчик любви, от которого шли ниточки управления страстью ко всем участкам тела, вырывая из груди сладострастные стоны.

— «Ой, как хорошо, милый. Я сейчас умру. Больше не могу так. Ещё, миленький, ещё, глубже», — только и разносился тихий, сладострастный шепот по чердаку.

По моим ногам пробегала судорожная дрожь, я дрожала словно лошадь, в стойле отгоняясь от мух. Бёдра всё сильнее и сильнее двигались навстречу пальчикам, разжигающим, ещё больше, жаждущую плоть, старались поглотить их полностью.

И вот уже согнутая лодочкой рука пытается проникнуть в моё чрево, мне это не очень нравится, но разве могу отказать милому в его желании. Расслабляюсь, иду ему навстречу, и рука всё глубже и глубже погружаясь в него, всё сильнее и сильнее растягивает вход во влагалище, вызывая тянущую, разрывающую сладострастную боль, извлекающие всё более громкие и глубокие вздохи.

— «Ой, ой, тише, тише, не спеши, миленький. Потихоньку», — тихо шепчу, пытаюсь рукой остановить продвижение ладони.

Она остановилась, а потом снова, медленно начинает свой путь. И вот пройдено самое узкое место, кистью проскользнула, полностью оказалась в моём чреве, создавая непередаваемое ощущение, но, наверное, более приятное для него, чем для меня. Створки входа плотно обхватили запястье руки. Внутри всё пылало, горело. Губы пересохли, на лбу выступили капельки пота. Ласк Светы я совершенно не чувствовала.

Кисть попыталась проникнуть ещё глубже, но глубже, было некуда, был всему предел. Стоять на четвереньках больше не могла, и весь мой вес обрушился на подружку, которая оказалась подо мной. Рука попыталась совершать движения внутри, но в ответ раздавались только стоны и судорожные, самопроизвольные сокращения мышц.

Для Светланы видимо было прекрасно понятно, что со мной делает милый, каким испытанием подвергаюсь я. И нежно лаская бедра, она произнесла:

— «Ниночка, тебе хорошо так?»

— «Да, да, хорошо», — прерывисто дыша, произнесла, задерживая дыхание при каждом изменении положение руки любимого.

Но вот, наконец, она пошла, назад, увлекая меня за собой, возвращая в прежнюю позу.

— «Миленький, медленней, не так быстро, прощу тебя», — только и шептала я, медленно поднимаясь вслед за рукой, сжатой в кулак.

С каким облегчением я вздохнула, когда она разжалась и выскользнула, оставив в расширенном, расслабленном состоянии створки влагалища. После этого оно могло принять всё что угодно. Понимая, какие страдания приняла я, Света прижалась губками к створкам,

целуя, погружая нос, лицо в моё чрево. Было такое ощущение, что ещё чуть-чуть усилий и её голова проскочит внутрь. Вдруг напор ослабел, и нежная, бархатистая головка начала спорит с острым горячим язычком за обладание гротом любви. Ещё чуть-чуть и она входит в мягкую, разгоряченную, расширенную плоть, не встречая ни малейшего сопротивления. Так раскрыта я не была ещё никогда. Стеночки влагалища не могут крепко обнять член, показать в полной мере, как они изголодались, исстрадались за ним. А острый язычок довольствуется клитором, совершая страстный танец любви.

Только одна мысль о том, что у меня во влагалище член, а другая женщина в этот миг услаждает меня, ласкает клитор, раскручивала так, что выдержать, я не могла. Мгновение и меня поразило словно электрическим током, вся затряслась, начала падать, но крепкие мужские руки не позволяли этого сделать. Оргазм волна за волной набрасывался на меня. Терзал, как углое суденышка терзают волны цунами, подкравшись, обрушивался с невиданной силой.

— «Светочка, прекрати, я не могу», — застонала, когда до клитора невозможно уже было дотронуться, а член всё продолжал врывать в глубину животика, болтаясь от одной стенки к другой, вызывая все новые и новые, но уже затухающие оргазмы.

— «Миленький ещё, ещё немножко, ой, ой, как хорошо. Какой ты умница. Ещё, ещё, глубже. Мне так никогда хорошо не было, какой ты молодец. Мне так никогда не было хорошо», — всё шептала и шептала пересохшими губами при каждом погружении члена, стараясь подбодрить любимого, выразить свою любовь.

Вдруг его член резко выскакивает, предпочитая излить семя в Светин ротик. Было, конечно, обидно, что пренебрегли моим чревом, но прекрасно понимала, что моё лоно любви в данный момент совершенно не доставляет удовольствие и не может спорить с упругостью и узостью губок Светланы.

Он кончал и кончал ей в ротик, впившись железными пальцами в мои ягодицы, сжав их так, что я закусила губку, чтобы не закричать.

— «Ой, как классно девки, ну вы и умельцы у мертвого встанет. Такого я ещё никогда не испытывал. Как с вами не хорошо, но надо домой бежать, а то супруга там, наверное, с ума сходит. Броситься искать, тогда и мне и вам достанется», — произносит чужой, незнакомый мужской голос, далеко не голос Вити.

— «Ну, ладно, Сашенька, давай, иди домой, а то и правду твоя будет сейчас нас искать. Крику потом не оберёшься», — отозвалась из-под меня Света.

— «А зовут, как моего мужа», — пронеслось у меня в голове, начиная смутно понимать происшедшее.

И он видимо стал натягивать на себя штаны и приводить себя в относительный порядок.

— «Скажу, что с Васькой бухал, она покричит, но это меньшее зло, чем, если бы узнала, чем я на самом деле тут с вами занимался», — хихикнул он, спускаясь по лестнице.

Конец десятой главы

E-mail автора: ninel_h@bk.ru